

Албазин и албазинцы

Из блокнота писателя

Там, где издавна жил и усердно трудился человек, земля бывает полита не только потом, но и кровью и слезами, бывает она опалена пламенем и посыпана пеплом. И, может, потому на этих местах потом, когда их оставляют или сохраняют в неприкосновенности, вырастают особенно буйные травы и деревья.

Я стою на том месте, где более трехсот лет назад казаками Ерофея Хабарова был поставлен острог, а затем основаны крепость и город Албазин.

Безжалостное время почти сравняло с землей остатки укреплений, поднимавшихся некогда на три сажени в высоту, и сейчас довольно трудно представить себе контуры и размеры всей крепости. Но еще господствует над берегом полуразмытый холм — Батарейка, откуда русские пушки поверх крепостных стен били по наседавшим маньчжурским завоевателям. Холм был, конечно, значительно выше и «гораздо» укреплен. Сейчас через него идет береговая тропинка, на которой проступает обожженная до кирпичной красноты земля, а кругом колышется буйный бурьян и растут лиственницы. Несколько их да еще наклонная береза стоят прямо на холме и смотрят в Амур, текущий далеко внизу. Где-то здесь стояли Хабаров и его дружина, когда выбирали место для острога. Может, отсюда руководили сражениями воевода Толбузин и преемник его сотник Бейтон. А там вон, говорят, был воеводский двор и стояла главная башня.

Следы землепроходцев — следы трехвековой давности... Теперь лишь историки повествуют нам о тех, кому обязана Россия да и весь мир открытием громадного и удивительного Амурского края. Москвитин, Поярков, Хабаров, Черниговский, Пашков, Бекетов, Степанов, Толбузин, а позже Невельской и Муравьев-Амурский. И еще десятки лучших сынов России и еще сотни безымянных героев, пришедших сюда вопреки казенным указам. Их давно уж нет, но слава о них

все громче трубит из тумана. Слава Албазина поднимается вровень со славой Бреста, Бородина и поля Куликова.

Доверившись воображению, хочу представить, хочу увидеть, как все это было. Исторические сведения об Амуре не так уж красочны и многочисленны. Но все же их достаточно, чтобы судить, как и что тут было тогда — давным-давно. Этим мы обязаны не только «расспросным речам», «челобитным» и «отписным грамотам», но и трудам многих наших ученых, исследовавших Амурский край уже после его заселения.

Многие села, расположенные близ Амура и по его берегам, носят имена первых землепроходцев и исследователей Амура — Поярково, Пашково, Хабаровск, Бекетово, Толбузино, Корфовская, Духовское, Казакевичево, Москвитино, Рейново, Свербеево, Бейтоново, Буссе, Муравьевка и десятки других. Исторически все эти поселения еще молоды, что лишний раз подтверждает, что в прошлом Амурский край был заселен очень слабо.

Народы, населявшие земли, лежащие севернее Великой Китайской стены, по определению «застенных» китайцев, были «восточными варварами». Так их, видимо, называли на том основании, что сам «застенный Китай» именовался тогда «Небесной империей». Эти «варвары», проживавшие на территории «Манджурии», Забайкалья и Монголии, неоднократно покоряли «застенный» Китай и утверждали там свои династии. Маньчжуры, например, даже свою столицу перенесли в Пекин и властвовали в Китае на протяжении нескольких веков.

А еще севернее, то есть на территории теперешнего Приамурья, как это достоверно установлено, проживали почти исключительно тунгусские племена, которые называют также эвенкийскими. Отсюда, видимо, и эвенкийские названия речек — Ульдугича, Уркан, Торой, Аукан — теперешняя Омутная, Ольдой, Умлекан и так далее — по всему Амуру.

В то время, когда пал Китай и столица маньчжуров была перенесена в Пекин, появились на Амуре и первые русские — «лоча». Местные племена были до того малочисленны, что все Приамурье практически представляло собой пустынные, ничейные земли. «Всеми силами ладить с туземцами», — такова была самостоятельная политика первых «лоча». Эта политика вполне оправдала себя при освоении Сибири. Как огорчался и негодовал Василий Поярков, когда посланный им на Селемджу для заготовки провианта Юшка Петров дерзнул применить силу! Миссия Пояркова вообще не носила

завоевательного характера. Скорее это была географическая экспедиция с целью провести новые «земли».

Местное население в большинстве случаев к русским относилось миролюбиво и устанавливало с ними торговые отношения. Но маньчжуры при встрече с русскими почти всегда применяли силу и почти всегда терпели поражение. Своим повелителям они доносили, что у всех «лоча» глаза зеленые и впалые, нос высокий, волосы и бороды огненные и все они так искусно владеют оружием, что их совершенно невозможно победить. Русские в свою очередь удивлялись, почему грозные завоеватели, в десять и более раз превосходящие численностью русских воинов, так постыдно терпят поражения.

Дело, очевидно, было в том, что маньчжуры больше привыкли брать не умением и храбростью, а числом и осадой. Боевая выучка у них, видимо, была много слабее, а что касается храбрости, то она, несомненно, была на стороне русских, ибо несмелые, нехрабрые и несильные люди вообще не дошли бы до Амура. Родословная этих людей тянулась к вольнице Дона, к временам отважного Ермака. Людей, бежавших от притеснений царя и его вельмож, привела сюда жажда свободы и свободной деятельности. Эта жажда провела их через нехоженую тайгу, бурные реки и лютый холод Сибири, через голод и нечеловеческие лишения. Открытые ими земли они с полным основанием считали своей новой родиной и никому не хотели ее уступить. В этом, надо полагать, и кроются корни поразительной стойкости, мужества, отваги и находчивости первых русских, появившихся на Амуре. О многих из них следовало бы написать книги, по которым благодарные потомки учились бы мужеству, целеустремленности, жажде открытий, любви к свободе и родине. Недаром Невельской, который очень много сделал для России, писал: «Беспристрастное потомство должно помнить и с удивлением взирать на геройские подвиги самоотвержения первых пионеров Приамурского края, часто платившихся жизнью и кровью за свое молодечество и удаль. Потомство с признательностью сохранит имена их, дошедшие до нас в сибирских повествованиях, потому что они первые проложили путь по неизвестной реке, открыли существование неизвестных до того времени народов...»

Много, очень много претерпели амурские землепроходцы. Почти не получая поддержки от правительства и сибирских воевод, они по существу были предоставлены сами се-

бе, и многие из них сложили тут головы либо в неравном бою, либо от нужды и голода. У русских царей, начиная от Алексея и кончая последними представителями царственного дома, никак не доходили руки до Амура — много иных нужд было. Но интерес к Амуру непрерывно возрастал. Еще Екатерина II сказала «драгоценные слова»: мол, если бы Амур был только путем к Камчатке, то и тогда был бы смысл заниматься им самым серьезным образом. Всерьез Амуром, однако, не занимались. И через сорок лет пребывания на нем русских маньчжуры, укрепив свою власть внутри Китая, готовы были начать широкие военные действия против амурской вольницы. В планы русского правительства не входило воевать на Амуре, где по существу и не было сколь-нибудь значительной военной силы. То ли от великой «нужи», то ли из политических соображений на Амур из России не было направлено ни одного крупного военного подразделения, и фактически он был закреплен затем без военных действий. А в ту пору, то есть в 1689 году, маньчжуры стянули уже войска к Нерчинскому воеводству, и русские вынуждены были уступить им значительную часть левобережья Амура. Был заключен Нерчинский трактат, представлявший собой первый официальный документ между маньчжурскими властями и царской Россией.

Маньчжуры не придавали большого значения вновь присоединенному краю. Они попытались поселить здесь ссыльных, но из этого ничего не вышло — они разбежались. Разрушив и предав огню укрепления и поселения русских, маньчжуры надолго покинули этот край, чем опять-таки не преминули воспользоваться русские охочие и торговые люди, вступившие в деловые отношения с местным населением.

Более двухсот лет прожили русские на Амуре, прежде чем появилась твердая граница между теперешним Китаем и Россией. Начало ее положено Айгуньским договором 1858 года.

Все это — очень краткий обзор. Подлинная же история освоения Амурского края полна героических, интереснейших страниц и изобилует любопытными деталями. Русские, например, очень удивлялись, когда узнали, что маньчжурско-китайские чиновники до того кичливы, что называют себя именами планет, а чиновники помельче — именами созвездий. Сама же их империя, как известно, называлась то «золотой», то «небесной». Удивлялись русские и тому, какое раболепие и низкопоклонство царили при маньчжурском дво-

ре. Нашим послам надо было отбить великое множество поклонов, прежде чем лицезреть «сына неба». Наши послы считали, что «сыну неба» достаточно и «любительских поминок» и, опасаясь за «поруху государевой чести», отказывались бить поклоны. Одного из них — Байкова — «за недостаточное благоговение перед «сыном неба» выслали назад в Россию...

...Я стою на том месте, где более трехсот лет назад казаками Ерофея Хабарова был поставлен острог и затем основаны крепость и город Албазин — первая столица Амурского края. Вот здесь, где бурьян и лиственницы, где Дом культуры, школа, сельсовет, библиотека и местный музей, проходила западная стена крепости Албазина. Здесь берег Амура.

Преклоняюсь, отдаю должное мудрости первопроходцев. Лучшего места для поселения трудно найти. Амур тут делает большую пологую излучину, прижимаясь главными водами к нашей стороне. Береговая дуга тянется километра на три. Где-то там, выше ее, в устье речки Ульдугича стоял Спасский монастырь. Вся эта дуга у воды состоит из скалы, а выше — из рассыпного камня и глины и напоминает чуть наклонную стену высотой сажень в десять. На нижнем крыле излучины, где Амур плавно огибает скалистый выступ, и были возведены основные сооружения крепости. Отсюда далеко видно вниз и вверх по Амуру и во все стороны. Скалистый, очень высокий и почти отвесный берег наверно и до сих пор сохраняется в той неприкосновенности, в какой нашел его Хабаров. Если учесть, что вдоль такого берега, почти сливаясь с ним, стояла еще шестиметровая стена, то станет ясно, сколь неприступной была эта западная часть крепости. Вся крепость, говорят, была построена из бревен, закопанных стоймя и заостренных на кол, а между ними были насыпаны земля и камень. Были также рублены ряжи и башни. Недалеко от батарейки, ниже по Амуру, стояла главная башня. Сейчас тут виден примерно метровой высоты широкий вал, облицованный изнутри отборным камнем. Прежде камня здесь не было. Эта облицовка была сделана в 1911 году по решению станичного совета, чтобы затем поставить здесь памятник. (К сожалению, памятника нет до сих пор). Этот вал образует замкнутый четырехугольник. Местные мальчишки используют площадку внутри него как стадион: зритель сидит на валу, а «рыцари» сражаются на площади.

С директором местного музея Агриппиной Николаевной Дорохиной нам удалось пройти почти по всему крепостному

валу. В иных местах его совершенно не заметно, в иных он виден еще хорошо. Часть вала проходила по луговому берегу, и ее тут давно уж смыло наводнениями. Зато восточный вал, в северной его части, уцелел на протяжении почти километра. Весь же вал в периметре будет километра три, так что вся основная часть теперешнего Албазина стоит внутри бывшей крепости. Дальше за крепостными валами можно заметить еще валы. Это осадные укрепления маньчжур, несколько раз пытавшихся покорить Албазин.

Когда мы снова вышли на берег, Агриппина Николаевна указала на небольшие провалы в земле.

— Говорят, это потайные ходы обваливаются. Ребятишки в один такой залазили, так выбрались прямо на Амур.

Может и правда, потайные. Ведь каждая крепость имела «подлазные» ходы. Один из них, что у главной башни с южной стороны, сейчас специально завален камнями и бревнами, чтобы не лазали ребятишки. Местным и случайным людям пока запрещается что-либо копать и раскапывать — раскопки и подробное изучение последуют позже. А пока вездесущие ребятишки находят здесь металлические и деревянные предметы, относящиеся к тем временам, — бляхи, скобы, наконечники дротиков, топоры, мотыги, увесистые ключи от замков, пушечные ядра (маньчжурские проломные пушки имели ядра до полпуда весом). Я держал в руках кованый меч — весь проржавленный, но еще настолько увесистый, что слабой рукой не помашешь. Видел ключ, сделанный из какого-то особого нержавеющей металла, украшенный надписью «Петропавловская крепость». Известно, что в Албазине в свое время проживало много ссыльных, в том числе и политических. И, может, один из узников Петропавловской крепости, сосланный сюда, и принес этот ключ. Видел соху, похожую на растоптанный сапог без подошвы. Она-то и навела меня на аграрные размышления.

Еще Хабаров оставлял своих людей на берегах Амура, чтобы занимались они пашенными делами. А позже, когда Албазин стал центром амурской вольницы, вроде того «Дикого поля», что было на Дону, хлебопашество здесь получило особенно широкий размах. Кстати, и сам Хабаров до похода на Амур крестьянствовал. Прибыв в Сибирь из Сольвычегодска (по другим данным, из Великого Устюга), он сначала занимался торговлей в Енисейске, затем на устье реки Киренги устроил соляную варницу. А когда варницу отобрали в казну, он первый на Лене занялся земледелием, распахав

60 десятин земли. В музее хранятся обгоревшие зерна, найденные на месте бывшей крепости.

К 1684 году лишь в одном Албазине было 120 служилых людей да 480 промышленных и пашенных. Имелись две мельницы, крупорушка, процветало гончарное и кузнечное производство.

Видел я в музее жернова, привезенные оттуда, где стоял Спасский монастырь. Сейчас на том месте осталось десятка два углублений, идущих в два ряда параллельно друг другу. Видимо, тут была улочка монастырской слободы. О самом монастыре, как и о многих других русских монастырях, до сих пор ходит легенда. Будто бы где-то там, близ устья реки Ульдугича, то ли в монастырском озере, то ли в колодце, хранится богатый клад, спрятанный в то время, когда маньчжуры пришли разрушить и сжечь Албазин и Спасский монастырь.

С развитием земледелия Албазин стал центром Албазинского воеводства. Назначается первый воевода на Амуре — Алексей Толбузин. Воеводство имело свой герб: на серебряном фоне был изображен орел. В одной лапе у него — лук, во второй — стрела. Вокруг Албазина и далеких амурских слобод начали строиться заимки земледельцев. Албазин собирал столько хлеба, что мог не только прокормить все свое население, но и вывозить его даже в Нерчинск. В отписках сибирским воеводам сообщалось: «Пашенных земель гораздо много... Дворами строиться начали...»

К восьмидесятым годам семнадцатого века левый берег Амура стал окраиной Московского государства, причем более обжитой, чем даже Забайкалье.

Обо всем этом ярко повествуют находки, собранные в местном музее. Собраны здесь и почти все книги, относящиеся к открытию и освоению русскими Приамурского края.

Осматривая город, я забрел на старое кладбище. Здесь похоронены первые албазинцы.

В 1685 году 450 албазинцев противостояли пятнадцати тысячам маньчжур, а год спустя 736 русских отражали натиск маньчжурской армии, состоявшей из восьми тысяч пехотинцев и трех тысяч конников.

Вот как все это было. В марте 1684 года албазинцы получили грамоту от маньчжурского императора с требованием сдать город. Грамота была написана на маньчжурском, монгольском и польском языках (к тому времени в Албазине много было ссыльных поляков). А летом, чтобы сделать эту

грамоту более весомой, к Албазину подошло на лодках маньчжурское войско, но осаждать город не стало. Тридцать казаков, бывших в это время за стенами города, маньчжуры взяли в плен и отправили в Пекин, а сами отошли назад к Айгуню.

Воевода Алексей Толбузин разослал письма с просьбой о помощи в Москву, Нерчинск, Енисейск и Тобольск. Но ниоткуда настоящей помощи не получили. Только из Москвы был послан полковник Афанасий Бейтон, который в Тобольске собрал шестисотенный полк с артиллерией и двинулся в Давурию. Ему предстояло пройти тысячи километров.

В июне 1685 года у стен Албазина появился маньчжурский авангард, а затем и само войско. Оно имело сто полевых и пятьдесят осадных пушек. Албазин же насчитывал всего лишь 450 защитников, в их числе были купцы и крестьяне. Семьи албазинцев были заранее отправлены в Нерчинск.

По распоряжению воеводы Толбузина все постройки вокруг Албазина были сожжены. Албазин готовился к отражению врага.

11 июля маньчжурский командующий Лантань предложил албазинцам сдаться, обещая благосклонность императора. Албазинцы не ответили. Тогда маньчжуры открыли пальбу по городу, а затем двинулись на штурм. Штурм был отбит с большими потерями для противника. Но и албазинцы потеряли почти четвертую часть защитников. Стены и башни городка были сильно повреждены.

Когда боевые припасы русских истощились, в ход пошли камни. Видя безвыходность положения, Толбузин вступил с Лантанем в переговоры. Албазин был уступлен маньчжурам, но все жители и гарнизон беспрепятственно ушли в Нерчинск. С дороги Толбузин доносил нерчинскому воеводе, что он идет «с великою нужею», питаясь «кореньями и травами».

Позже, когда подошло подкрепление, Толбузин с отрядом в 677 человек, с пятью медными и тремя железными пушками снова прибыл в Албазин. Маньчжурское войско в это время было в Айгуне. Все русские поселения вокруг Албазина были сожжены, но посеянный албазинцами хлеб, к счастью, был цел и стоял на корню (около тысячи десятин). Казаки убрали хлеб и затем приступили к восстановлению и укреплению острога.

Через год, опять же летом, у стен Албазина вновь появилось маньчжурское войско численностью до 8000 воинов. В Албазине к тому времени находилось около 800 человек. На

этот раз казаки сами сожгли неубранный хлеб и все постройки вне острога. Внутри же укреплений построили землянки для жилья.

Маньчжуры окружили город и оградили свои позиции частоколом, а сверху навалили множество срубленных деревьев. Частокол казаки сожгли, стреляя калеными ядрами, а лес взорвали из подкопа. Тогда противник соорудил земляной вал вокруг острога и поставил на него до тридцати пушек. Вначале били пушки, затем — это было 11 сентября — маньчжуры двинулись на штурм, но как и прежде, были отброшены с большими для них потерями.

Пять раз ходили казаки на вылазки, убили и взяли в плен много маньчжурских солдат. Между тем от тесноты и сырости в землянках и от скудости питания в городке появилась цинга, которая наносила русским потерь больше, чем противник.

В одну из вылазок начальник обороны городка Толбузин был тяжело ранен ядром в ногу и вскоре умер. Оборону городка возглавил полковник Бейтон. Но число защитников Албазина все убывало, и к маю 1688 года их осталось только 66 человек. Однако они продолжали стойко держаться. Нелегко было и противнику. Осаду маньчжуры сменили на блокаду, а затем отступили от Албазина на шесть километров, и албазинцы получили возможность установить связь с Нерчинском.

Маньчжуры предложили прислать своих лекарей для лечения больных казаков. Бейтон ответил, что его войско здорово и ни в чем не нуждается, и в подтверждение послал маньчжурскому полковнику «пирог весом в пуд». А в это время у Бейтона в живых оставалось всего 60 человек, но он не терял бодрости.

Наконец маньчжурская армия ушла в Айгунь, и между Россией и маньчжурами начались переговоры, закончившиеся Нерчинским трактатом.

...Где-то вот здесь, на старом кладбище, покоятся кости тех, чьей славой вправе гордиться всякий русский.